

УДК 81'373.45+81-112.2

**ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА
ИНОЯЗЫЧНЫМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ
(на примере формирования наименований этических понятий)**

А.В. Бастриков

Аннотация

Статья посвящена выявлению роли заимствованной лексики в формировании терминологической системы в русском литературном языке XVIII века. На примере становления морально-этических понятий «Честь» и «Достоинство» рассматриваются этапы включения иноязычных слов *амбиция, респект, гонор, репутация* и др. в тесты различных жанров. Установлены семантические процессы, проходившие в словесных рядах и сопровождавшие адаптацию новых слов в русском литературном языке: расширение значения, аналогия, разнообразные метонимические переносы, дифференциация и специализация слов, входящих в данные ряды, процесс семантической индукции.

Конец XVII – начало XVIII веков были отмечены значительными событиями в экономической, социально-политической и общественной жизни России. За короткий временной отрезок произошли существенные изменения в различных сферах жизни, в том числе в культуре, мировоззрении, языке. Новые задачи государства были тесно связаны с необходимостью обновления культурных, бытовых, нравственных представлений и традиций. Именно в это время формируется отвлеченная лексика, выражающая этические понятия. Неустойчивость в обозначении данных понятий была обусловлена отсутствием стройной этической теории. Складываются предпосылки для возникновения терминологии русской философской науки, которая включала в свой состав различные по своему происхождению языковые единицы (русизмы, славянизмы, иноязычная лексика).

Заимствование иноязычных слов было характерным явлением еще второй половины XVII века, но в Петровскую эпоху интенсивность западноевропейского влияния на русский язык возрастает, что диктовалось исторической необходимостью. Приспособление заимствований к лексико-семантической системе русского языка проходило трудно. Часть иноязычной лексики, сыграв существенную роль в формировании синонимии того времени, ушла из активного употребления. Другие слова вынуждены были изменить первоначальные значения, продиктованные семантической структурой слова языка-источника, заняли свое место в терминологических системах русского языка. Основным путем проникновения иноязычной лексики был письменный. Чаще оно осущест-

влялось через перевод, который возводился Петром Первым в ранг дела государственной важности.

В эту эпоху заимствованные слова функционируют в самых различных источниках, но в первую очередь – в эпистолярных и публицистических жанрах. Ещё не всегда доступные для понимания, иноязычные слова сопровождались в текстах кратким пояснением, толкованием слова или понятия, ссылкой на язык-источник.

Показательным является употребление иноязычных слов при обозначении этических понятий «Честь» и «Достоинство». Нами проанализированы материалы, полученные методом сплошной выборки из текстов различных жанров, а также данные «Словаря русского языка XVIII века» и других лексикографических источников. Хронология русского языка этой поры устанавливается в зависимости от характера изменения литературных норм, поэтому мы следуем за составителями «Словаря русского языка XVIII века», которые подразделяли рассматриваемое время на три периода: I – 90-е годы XVII в. – 10–30-е годы XVIII в., II – 30-70-е годы XVIII в., III – 70-е годы XVIII в. – начало XIX в. [1].

Уже к концу XVII века намечается снятие противопоставленности норм двух разновидностей письменной речи: церковно-славянской и деловой. Результаты этого разрушения ощущаются уже в петровскую эпоху, когда соотношение славянизмов и русизмов осложняется мощным притоком иноязычной лексики.

Широкая лексическая синонимия («многоименство») – одна из особенностей развития лексического состава XVIII века. Лексическая избыточность, вызванная расширением сфер функционирования, образование слов разного происхождения, словообразовательная дублетность, процессы семантической аналогии – вот лишь некоторые следствия «многоименства». Многочисленные языковые контакты, приток новой лексики вызвали к жизни словообразовательные процессы внутри лексико-семантической системы русского языка.

Новый взгляд на человека, на его место в системе государственного устройства были декларированы в официальном документе – «Табели о рангах» (1722). В нем подчеркивается приоритет личных заслуг человека, которые в свою очередь подлежат оценке с точки зрения общественной пользы. Это привело к изменениям в понятиях «Честь» и «Достоинство», а потом нашло отражение в семантической структуре соответствующих слов (коллективная честь → индивидуальная честь).

«Табель о рангах» последовательно проводила мысль о том, что не благородное происхождение, не «порода», а личные достоинства, ум человека – залог успеха в жизни. Сам Петр Первый говорил дворянству, что только служба государству и Отечеству сделают его «благородным», отличным от «подлости», т. е. от простого народа. Этот документ ввел принцип «неоспариваемой чести» – оказание уважения и подчинение лицу в соответствии с его табельным рангом.

В петровскую эпоху функционировало несколько лексем, которые в разной степени могли использоваться для обозначения названных этических понятий. Это были слова разного генеза. Они включались в такие словесные ряды: *честь – честность – честолюбие – любочестие – гонор – респект – репутация*

ция; честь – почет – почести – почтение – почитание – почетность (уважение); достоинство – достойность – положение – чин – ранг – честь – сан – должность – степень; достоинство – достойность – положение – преимущество – значимость – стоимость – ценность.

Понятие «Честь» с давних пор связывалось с образом мыслей (внутренним императивом), уважением к этим мыслям, а потом уже с конкретным уважением за доблестные дела и подвиги, поэтому следует считать отвлеченное («духовное») значение у слова *честь* древнейшим. Уже в классической латыни аналог *l'honor* имело двойное значение: 'честь' и 'то, что давало честь'. Количество конкретных значений у слова увеличивалось за счет расширения представлений о том, что могло принести честь.

Начало XVIII века – время вхождения в русский язык новых слов. В первую очередь, это слово *амбиция*. Оно встречается при многочисленных лексикографических фиксациях лексем *честь, достоинство, честолюбие, славолюбие* в словарях XVIII века. Кроме того, его можно считать заимствованием в языке Петровской эпохи, которое одновременно включалось в словесные ряды с различными доминантами: с одной стороны – *честь*, с другой – *достоинство*.

Этимологически слово *амбиция* восходит к латинскому *ambitio* 'честолюбие, тщеславие' из *ambire* 'домогаться, добиваться (милости, чести, места, чина)' [2, с. 75; 3, с. 36; 4, с. 90]. Заимствование относится ко времени правления Петра I, из латинского непосредственно – *ambitio* и через польский *ambicja*. Такое «двойное» вхождение обусловило сосуществование в XVIII веке двух этимолого-словообразовательных вариантов, связанных с различным оформлением генетически родственного суффикса *-tion* (*-ция/-цио*). Иногда слово связывают с французским *ambition* (f), которое, конечно же, ведёт своё происхождение от латинского прототипа [5, с. 36; 6, с. 113]. Однако нельзя выводить русское слово *амбиция* из французского языка, так как, во-первых, новое слово входило в русский язык в латинском или польском оформлении, во-вторых, время его вхождения характеризовалось скорее сильным польским влиянием, нежели французским. Производные от данного существительного, вошедшие в русский язык в первой половине XVIII века, – *амбиционный* и *амбициозный* – представляют собой заимствования из французского языка. На это указывают словообразовательные средства, дата вхождения которых – 1735 год [7, с. 340]. Для слова *амбиция* датой вхождения в русский язык следует считать 1711 год [1, с. 58].

Большая часть обнаруженных нами фиксаций слова *амбиция* (4 из 7) приходятся на тексты из Архива Куракина: С бароном Лантмаром говорил «милорд Страффорд», чтобы датского двора *амбицию* поукротить и духа голштейнского не оставить [АК VII: 29]. Данное слово встретилось и в публицистике: И понеже царь Федор Иоаннович, государь был весьма к войт̄ несклонный <...> все положил на шурина своего Бориса Годунова, мужа великого коварства, и дальних замыслов, и бѣзмѣрной Амбіциі «честолюбие» [Шафиров: 17].

Уже в начале века слово *амбиция* испытывает давление со стороны доминанты словесного ряда (*честь*), что приводит к дифференциации слов *честь – амбиция*. У последнего начинает развиваться значение 'чувство (чрезмерного) самолюбия'. На наш взгляд, это было продиктовано негативным отношением

со стороны пишущего к иноземному понятию, что реализуется в развитии в контекстах отрицательной коннотации.

Лексикографические фиксации данного слова чаще встречаются в словарях иностранных слов: «*Амбиція, славолюбіе, любочестіе*» [Кург.: 217].

Еще одним новым вхождением необходимо признать слово *гонор*, впервые зафиксированное лишь в 1803 году в «Новом словотолкователе...» Н. Яновского [Ян]. Оно использовалось в этот период в качестве синонима к словам *честь, честность, слава*, что нашло отражение в многочисленных словарях.

Этимологически слово *гонор* восходит к латинскому *honor* 'честь, почет, почесть', 'уважение', 'слава'. М. Фасмер указывает на время вхождения слова в русский язык через польский – 1643 год, на место – сочинения Г.Ф. Долгорукого (1702) [2, с. 437]. Вхождение слова *гонор* датируется 1696 годом [7, с. 355]. Данное слово также имеет «двойное» вхождение – из латинского и польского языков. Оно не фиксируется в словарях XIX века. В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (начало XVIII века) *гонор* переводится как 'честь', 'слава' [ЛВН: 4].

Нами обнаружено 16 случаев употребления слова *гонор*, 15 из которых отнесены к первому периоду и лишь одно – к третьему. Это, по нашему мнению, говорит о сложности вхождения слова в русский язык. Определенная часть примеров (6) найдена в переписке людей образованных, хорошо знающих иностранные языки (Г.Ф. Долгорукий, П.А. Толстой, Б. Голицын, А. Дашков и др.). Не только в эпистолярном жанре, но и в публицистике и художественных текстах мы обнаружили употребление лексемы *гонор*, чаще всего это – заметки русских дипломатов и путешественников (Б. Шереметьев, П.А. Толстой): И как тот в Паренцу приѣхал, и за его *гонор* в городѣ Паренцѣ стрѣляли из пяти пушек и приняли его частно [РА I: 512].

Вероятно, в сознании дипломатов слово *гонор* воспринималось конкретно в тех случаях, когда они слышали его, а слово *честь* обозначало более широкое по содержанию понятие; поэтому, включаясь в словесный ряд, слово *гонор* не было еще в полном смысле синонимом слову *честь*, а обозначало лишь нерусскую реалию (явление), покрывающуюся русским словом. На переднем плане у говорящего (пишущего) была номинативная функция слова, затем по мере вхождения в русский язык на ее основе будет развиваться и соответствующая коннотация.

У слова *гонор* в этот период отмечается два значения.

1. 'Честь, почет, уважение' (ср. сочетаемость слова *честь* в первом значении): И в это время, отдавая *гонор* боярину, выстрѣлили из трех больших пушек [ПДС: 1697].

Вместе с тем нами обнаружено и два случая употребления глагола *гоноровать* со значением 'оказывать уважение, почтение': Всѣ кардиналы бывают благодарны и приписуют яко в лицѣ того кардинала всѣх их *гоноровал* [ПДС: 1644].

В данном случае, скорее всего, проявляется процесс семантической аналогии: *честь – чтить, чествовать; почет – почитать* → *гонор – гоноровать*.

2. 'Достоинство': Бывают науки предивный щит людям, а особливо *гонором* породным; не есть дивно, что они повинны с великою охотою прикладитися до так тяжкаго изобрѣтения [РА II: 387].

Н. Курганов в «Письмовнике...» указывает на то, что нет нужды употреблять подобные слова (*гонор* и проч.), если в русском языке уже есть слово *честьность* [ПК: 275]. Позднее появляется новое значение – 'честь, почесть, осознание собственного достоинства'. Обозначая первоначально положительную оценку поступков человека, слово *гонор* начинает приобретать противоположное значение – 'преувеличенное мнение о своей чести или достоинстве; чванство, заносчивость', что фиксируется современными словарями [8, с. 254]. При этом последнее значение сопровождается пометой «устар.» ('честь, достоинство представителя привилегированного сословия, амбиция').

Следует сказать несколько слов и о лексеме *репутация*, также вошедшей в русский язык в Петровскую эпоху и употреблявшейся в значении 'общественное мнение, слава о ком-либо'. Указание на вхождение данного слова именно в этот период мы находим у Н.А. Смирнова [3, с. 262].

Этимологически оно восходит к латинскому *reputātiō* 'обдумывание, созерцание' → пол. *reputacja* → рус. *репутация* [9, с. 473]. Передача западноевропейских понятий в XVIII веке осуществлялась несколькими способами. В данном случае мы имеем дело с приемом семантического приноравливания общеизвестного русского или церковнославянского слова к непосредственной передаче значений чужого слова (семантическое заимствование): *réputation* – 'честь, слава' [10, с. 169]. Именно этими языковыми единицами в словарях XVIII века сопровождалась лексема *репутация* [ЛВН: 16 об]. «*Репутация* – слово и понятие, заключенное в слове, пришли к нам из польского языка при Петре Первом. Смысл достоинства изменяется: это не оценка личности со стороны общества, а данная авторитетность харизмы, которую следует принять как должное и осмыслить в личном опыте (латинское слово *reputation* значит 'созерцание, обдумывание'). Достоинство в *идее*, оно – *идеально*» [11, с. 508].

В текстах начала века мы обнаружили 8 случаев употребления данного слова (большинство в эпистолярном жанре): К дамам де *л'онор* (*l'honor* – чести) королевным и к иным визиты рѣдко отдаются, разве поосмотряся и увидя их поведение, склонное к себѣ, и развѣдав об их *репутациях* подлинно [АК III: 272].

Все примеры фиксируются в значении 'мнение, слава' (и только в сочетании с прилагательными *положительная* или *добрая*, т. е. с положительной коннотацией). Возможно, положительная коннотация в данном случае противопоставлялась неоднородной по содержанию коннотации другого члена этого словесного ряда – слова *гонор*: «Капитан» довольствуется чином первого вице-адмирала и которой не меньше капитана Мафьюса здѣсь в доброй *репутации* [Кантемир: 321].

В начале XVIII века в русский язык вошло еще одно слово с аналогичной семантикой – *респект*. Исследователи датируют время его вхождения 1706 годом, источник – лат. *respectus* 'внимание, уважение, честь'. В качестве языковосредников выступили польский (*respect*) и немецкий (*Respect*). Однако оно

не сразу закрепились в русском языке. Чаще в текстах использовалось прилагательное *респектабельный*, сохранившееся до наших дней. Новое слово поддерживалось глаголом *респектовать* из франц. *respecter* ‘уважать, почитать’ (ср. пол. *respektować* ‘смотреть на кого, обращать внимание’) [7, с. 218, 391].

Большинство употреблений слова *респект* приходится на тексты делового (15 из 30 всех употреблений), а также эпистолярного характера. Оно входит полноправным членом словесного ряда в круг обозначений понятия «Почет» («Уважение»). Данное значение поддерживалось четкой соотнесенностью с глаголами и являлось результатом процесса семантической аналогии: Того ради надлежит всем членам, как Коллегиинным, так и канцелярным учрежденному их президенту, всякое достойное почтение, и *респект* и послушание чинить [ГР: 20].

Слово не только толкуется в Приложении к «Генеральному Регламенту» (1720), но и в самом тексте сопровождается маргиналиями. Оно сразу отмечается несколькими словарями этого времени: «Respect, honor, autoritas, респект, честь, почтение» [ЛВН: 16 об; Вейсман: 502].

Первый период XVIII века отличается большим количеством слов, используемых для формирующихся этических понятий «Честь» и «Достоинство». Но отвлеченные значения их еще не носят самостоятельного характера и поэтому не отражаются в словарях.

Среди семантических процессов, проходивших в словесных рядах, отметим расширение значения (первоначально – в рамках понятия), аналогии, разнообразные метонимические переносы, а также дифференциацию слов, входящих в данные ряды. В отдельных случаях наблюдается процесс семантической индукции, что было следствием влияния западноевропейских языков, активно включавшихся во взаимодействие с русским. Петровская эпоха – время параллельного развития словесных рядов с морально-этической семантикой, их постепенного сближения.

Уже с 30-х годов XVIII столетия начинается период активного сложения русского языка в общенациональный литературный язык. В это время происходит в основном рост и «созревание» лексических рядов и вариантов, в их составе намечаются ведущие элементы – доминанты. Происходит постепенное сжатие, ограничение и обособление смысловых рядов. Процесс устранения дублетности и переход отношений полного подобия в отношения другого порядка (дифференциации) предполагает в качестве необходимого условия контактность слов в определенном кругу общих контекстов употребления.

В «Лексиконе Целлария» (1746) слово *честь* вместе со словом *достоинство* приводится в качестве русского эквивалента латинским *dignitas* ‘достоинство, честь’ [ЛЦ: 78], *ambitio* ‘славолюбие, тщеславие, искание чести’ [ЛЦ: 89], *honor* ‘честь, достоинство’ [ЛЦ: 143].

В середине века в процесс дифференциации с доминантой ряда – словом *честь* – включился еще один член словесного ряда – *честолобие*. Это сопровождалось сдвигом на понятийном уровне и развитием в его семантической структуре отрицательной коннотации (ср. аналогичный путь у слова *амбиция*): Когда кто предпринимает добрые дела, чтоб иметь честь, хвалу и славу, то такое качество называется *любочестие* или *честолобие* (*modestia*), а ежели кто

хочет имѣть больше *чести*, хвалы и славы, нежели как его дѣла заслуживают, то этот порок называется жадность к чести или *прелюбочестие (ambitio)* [Коз. ФП: 103].

«Честолюбие» до XVIII века – средневековое понятие следования чести как единственно верному пути (честь рода, семьи). В XVIII веке поведение человека по законам чести (т. е. рода, фамилии) начинает противоречить осознанному равенству людей (внесловная ценность человека). Честь рода хотя и уважается, но с позиций демократической литературы начинает оцениваться негативно, чрезмерная любовь к своей «чести» подвергается осмеянию: важна не принадлежность к древнему роду, а личные заслуги, достижения. В словарях это слово используется в качестве эквивалента латинскому *ambitio*, французскому *ambition* [ЛВ: 83].

В текстах этого периода обнаружено 13 случаев употребления слова *амбиция*, большая часть из которых приходится на эпистолярный жанр. Самым частотным было значение ‘достоинство, чувство собственного достоинства’: Ежели разсудив сие другия области для сохранения своей *амбиции* вздумают в политических дѣлах обходиться с Французами..., то такой случай может их привести в немалое затруднение [Коз. ФП: 210].

Вторым значением слова *амбиция* становится ‘честолюбие, славолубие’: Еще тебя увѣдомляю о благодарной страсти, которую здѣсь называют *амбицею* [АП: 311].

Этим двум положительно оценивающим поступки («страсти») значениям противопоставлено значение ‘высокомерие, заносчивость’, что является так называемой «оборотной стороной медали» – негативная оценка чрезмерного желанья власти и пренебрежительного отношения к окружающим с высоты своего «достоинства» (должности, поста и т. д.). Среди причин развития подобной энантиосемии назовем сдвиг в структуре понятия, дифференциацию слов *честь* – *амбиция*, а также влияние слов *честолюбие* и *любочестие*: Чтoб сын с счастья содержал себя в предѣлах умѣренности, для того, что на театрѣ видал примѣр злoключенія, слѣдующаго за безмѣрною *амбицею* [ЕС X: 370].

Тексты середины XVIII века не фиксируют использование слова *гонор*. А слово *репутация*, имеющее только положительную коннотацию, встретилось 12 раз (10 из них в эпистолярном жанре): Король польскій, подошед ко мнѣ, сказал, что он знает меня давно по *репутации* и что весьма рад видѣть меня в своей землѣ [Фонвизин: 411–412].

Почти наполовину (по сравнению с началом века) сократилось употребление слова *респект* – всего 18 случаев. Оно немного расширило рамки своего функционирования: стало использоваться не только в деловом (6) и эпистолярном (6) стилях, но и в публицистике (2) и текстах художественной литературы (4): Я имѣю *честь* имѣти к вашему патрету, им к вашей персонѣ отличной *решпект*, и принимала вас безо всякой церемоняльности и без фасоний [Сумароков: 76].

Таким образом, во второй период XVIII века происходило формирование и вычленение в качестве самостоятельных значений у слов *честь* ‘моральные

качества, достоинства человека', 'внешняя оценка этих качеств' и *достоинство* 'чувство самоуважения, собственного достоинства'. Это время характеризовалось и сокращением количества слов, используемых для обозначения этических понятий «Честь» и «Достоинство» – слова *амбиция, гонор, репутация, респект, честность, честолюбие, достойность* все реже вступают в синонимические отношения со словами *честь* и *достоинство*.

Распадение словесных рядов было результатом устранения дублетности, ярко выраженного процесса дифференциации членов этих рядов, что приводило либо к исчезновению некоторых элементов ряда, либо к установлению между ними родовидовых отношений, либо к развитию у них противоположных значений.

Конец XVIII века характеризуется появлением большого количества переводных произведений, оказавших определенное влияние на формирование этического понятия «Честь» и на слова, являвшиеся его обозначением. Постепенно сокращается употребление слова *честь* со значением 'достоинство (коллективное)' в связи с индивидуализацией понятия.

Дифференциация слов в ряду *честь – слава – репутация – молва – мнение* – ... приводит к сокращению (всего 14) употребления слова *честь* со значением 'репутация, слава'. Роль доминанты в данной цепочке начинают оспаривать между собой лексемы *репутация* и *слава*: Могу, отвѣчал он, но только с величайшим безславием, с величайшим пятном для моей *чести* [Карамзин: 33].

Этимолого-словообразовательный вариант *амбицио*, зафиксированный в русском языке в 1711 году, постепенно выходит из употребления. В третьем периоде XVIII века мы обнаружили 7 примеров употребления слова *амбиция* в текстах эпистолярного жанра. Сокращается использование этой лексики в значении 'домогательство власти, властолюбие' (всего 2 словоупотребления): Они «поляки» довольно не дики стали. Вся ж *амбиция* простирается к получению чинов Российских [АВ XIII: 18].

Исчезает значение со сходной семантикой и у прилагательных *амбиционный* и *амбициозный* [1, с. 57].

Одним из основных значений слова *амбиция* было 'достоинство'. Это позволяло слову входить в словесный ряд *честь – достоинство – репутация – слава*. Сохраняется и значение 'честолюбие, славолюбие' (2 примера): Фаворит» вообще дѣла привлек к себѣ: против умершаго Потемкина талант в нем неровен, но *амбиции* во всѣх частях наследник [АВXII: 145].

Развитие энантиосемии у слова *амбиция* (все чаще – с отрицательной коннотацией) продиктовано влиянием аналогичной семантикой слова *честолюбие*. «Властолюбие» не поощрялось, что привело к рождению нового значения 'спесь, чванство'.

Первая словарная фиксация слов *амбиция* и *амбициозный* отмечается в начале XIX века [Ян]. Позднее в первую очередь приводятся значения слова из языка-источника, а затем значения, появившиеся на русской почве. В. Даль подчеркивает семантическую амбивалентность слова *амбиция*: 'чувство чести, благородства', с одной стороны, и 'самолюбие, спесь, чванство' – с другой [5, с. 36]. Тем самым постепенно за словом закрепляется негативная оценка дейст-

вий человека, например, *войти, вломиться, удариться в амбицию* (разг.) ‘рассердиться, обидеться’.

В третьем периоде XVIII века зафиксировано 11 употреблений слова *репутация* (9 – в переписке, 2 – в личных дневниках). Значение этого слова – ‘слава, честь, мнение (доброе, положительное)’: Графу М.С. представлено было возвратить сему полку *репутацию* и поставить его наряду с лучшими войсками [АВ XXIII: 50]. Такое ограниченное употребление слова говорит о непростом и медленном вхождении его в русский язык.

Если в период заимствования слово *репутация* связывалось с положительной оценкой личности и включалось в ряд *честь – слава – хвала*, то уже в XIX веке словари отмечают и значение ‘общее мнение о ком-либо’.

Практически выходит из употребления слово *респект*: обнаружено всего 3 примера в переписке того времени. Вероятно, это было вызвано распадением былого словесного ряда, при котором одни слова изменяли значения (проходил процесс специализации), другие – выходили из активного употребления: Достохвальныя твои распоряжения держали во всю зиму неприятеля в великом *респектѣ* [РС XVI: 450].

Восемнадцатый век – время закладывания основ современных этических понятий, этап интенсивных поисков их наименования в русском литературном языке. Если в начале века для этой цели использовались цепочки слов: *честь – честолюбие (любочестие) – амбиция – гонор – репутация – респект; достоинство – честь – достоинство...*, то к XIX веку в языке остались лишь два основных – *честь, достоинство*.

Большие изменения у слова *честь* произошли в первую очередь на сигнификативном уровне (расширение объема значения). Новый взгляд на человека, оценка его поступков и качеств, а не социальное положение отражаются в семантической структуре слова, где намечаются сдвиги от ‘сословной (коллективной)’ → к ‘индивидуальной’ *чести*. Если раньше это слово занимало прочное место в словесном ряду с общим признаком ‘почет’, то в XVIII веке ему на смену приходит слово *уважение*. Слово *достоинство* до XVIII века включалось в словесный ряд с дифференциальным признаком ‘положение, соответствие’. В результате наложения данных словесных рядов у слова *достоинство* бывший признак меняется на ‘стоимость, ценность’, а в языке появляется оппозиция: *честь* (внешняя оценка) – *достоинство* (самооценка).

Доминантным в ряду было слово *честь*, так как оно первым (задолго до XVIII века) начало развивать отвлеченное значение, другие же либо не могли покрыть объем значений слова *честь* (например, *честность, честолюбие* и др.), либо были ограничены той или иной сферой функционирования (например, *респект, репутация* и др.), либо еще только входили в язык (например, *амбиция, гонор* и др.).

В течение XVIII века произошло распадение словесных рядов, в частности:

- расподобление пары *честь – амбиция* привело к тому, что у слова *амбиция* (первоначально в рамках отрицательной коннотации) развивается значение ‘чувство самолюбия, условной чести’;
- у слова *гонор* появилось противоположное первоначальному значение ‘высокомерие, преувеличенное мнение о своей чести и достоинстве’;

- слово *репутация* потеряло положительную маркировку и становится стилистически нейтральным, что привело его в новый словесный ряд *слава – имя – репутация* в качестве доминанты;

- слово *респект*, вошедшее в ряд с общим признаком ‘почет, почтение’, не закрепилось в языке, ушло в пассивный запас.

В период вхождения новых (иностранных) слов с морально-этической семантикой в русский язык особую роль сыграл эпистолярный жанр. Постепенно включаясь в словесные ряды вместе с исконно русскими лексемами, заимствования «примеряются», «подгоняются» для выражения нужного понятия. Лишь обогатившись коннотациями определенного ряда слов, иноязычные слова могут претендовать на собственное место в лексико-семантической системе русского литературного языка.

Процессы устранения вариативности в сфере отвлеченной лексики происходили постепенно и завершились в большинстве случаев уже в XIX веке. Сокращается число компонентов проанализированных рядов, проявляется стремление к стабилизации семантической структуры слов. К концу века происходит переход от синонимии абсолютной к синонимии идеографической.

Таким образом, заимствования из европейских языков сыграли важную роль в становлении русских терминологических систем эпохи Просвещения, обогатили лексико-семантическую систему русского литературного языка.

Summary

A.V. Batrikov. Enrichment of a Russian Literary Lexis of the 18th Century by Foreign Borrowings (on the Example of Ethical Concept Names Forming).

The article reveals the role of borrowings in the formation of terminological system in 18th-century Russian literary language. The formation of such moral-ethical notions as “Honour” and “Dignity” reveals the stages of inclusion of some words of foreign origin (*ambitsiya, respect, honor, reputatsiya* etc) into texts of different genres. Semantic processes were defined, that occurred in lexical rows and accompanied the adaptation of new words in Russian literal language. These processes include the broadening of a meaning, analogy, various metonymical transfers, differentiation and specialization of the words that are included into the given rows, and process of semantic induction.

Список сокращений

АВ – Архив кн. Воронцова. – М., 1870–1897. – Кн. 1–40.

АК – Архив кн. Ф.А. Куракина (1661–1727) / Изд. под ред. М.И. Семевского. – СПб., 1890–1902. – Кн. 1–10.

АП – Адская почта, или Переписки храмоногого беса с кривым. Ежемесячное изд. 1769 г. (Автор текста Ф.А. Эмин). – СПб., 1769.

Вейсман – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. – СПб., 1731.

ГР – Его царского величества генералный регламент или устав. По которому государственные коллегии .. поступать имеют. – СПб., 1720.

ЕС – Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755–1764.

Кантемир – Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона. (Донесения 1732–1735 гг. и др. дипломатические документы). С введ. и примеч. В.Н. Александренко. – М., 1892–1903. – Т. 1.

- Карамзин – Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Сочинения Карамзина в 7 т. – М., 1803. – Т. 6. – С. 1–44.
- Коз. ФП – Философские предложения, соч. .. Яковом Козельским. – СПб., 1768.
- Кург. – Курганов Н.Г. Словарь разноязычной .. // Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие .. – СПб., 1769. – С. 381–424.
- ЛВ – Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу асессора Сергея Вочкова. – СПб., (1755)–1764. – Ч. I–II.
- ЛВН – Лексикон вокабулам новым по алфавиту. (Нач. XVIII в.) // Сб. ОРЯС. – СПб., 1910. – Т. 88, № 2. – С. 363–382.
- ЛЦ – Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. – СПб., 1746.
- ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (1682–1699). – СПб., 1862–1871. – Т. X.
- ПК 1796 – Писмовник, содержащий в себе науку российского языка .. 6-е изд. вновь выправленное, приумноженное .. Николаем Кургановым. – СПб., 1796.
- РА – Русский архив. Ежемесячный журнал. – СПб., 1863–1917.
- РС – Русская старина. Ежемесячный журнал. – СПб., 1870–1918.
- Сумароков – Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, .. Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изд. .. Николаем Новиковым. 2-е изд. – М., 1787. – Ч. 6.
- Фонвизин – Сочинения, письма и избранные переводы Д.И. Фон-Визина. Ред. Изд. П.А. Ефремова. – СПб., 1866.
- Шафиров П.П. Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи .. к начатию войны против короля Карола XII, Шведского 1700 г. имел .. – СПб., 1717.
- Ян. – Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. – СПб., 1803. – Ч. 1.

Литература

1. Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – Вып. 1. – 224 с.
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
3. *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. // Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого / Сб. ОРЯС. – СПб., 1910. – Т. 88, № 2. – С. 27–360.
4. Этимологический словарь русского языка / Сост. Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – Т. 1, Вып. 1. – 196 с.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – Т. 1. – 912 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1950. – Т. 1. – 767 с.
7. *Биржакова Е.А., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.

8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1954. – Т. 3. – 1340 с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
10. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высш. шк., 1982. – 528 с.
11. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

Поступила в редакцию
10.12.07

Бастриков Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: *alexbast58@mail.ru*